

Э. Л. Попович

Военно-политические результаты второй мировой войны поставили перед лидерами антигитлеровской коалиции задачу претворить в жизнь принципы послевоенного мирного урегулирования как в Европе, так и на Дальнем Востоке. Советско-американские союзнические отношения были продолжены на Дальнем Востоке для того, чтобы завершить борьбу с японским милитаризмом. Однако с исчезновением общей угрозы разногласия и соперничество между союзниками в Азии, включая послевоенное устройство Японии, стали усиливаться.

В данной статье делается попытка рассмотреть позицию СССР в отношении Японии через призму взаимоотношений между СССР и США в период, когда советско-американские отношения переходили от сотрудничества к соперничеству. Хронологические рамки охватывают период с момента капитуляции Японии до начала изменения оккупационной политики США в 1948 г., направленного на экономическую и политическую стабилизацию Японии и сохранение военного присутствия США в этой стране. Речь пойдет о позиции СССР по созданию контрольного механизма для Японии и о его политике в первый период оккупации страны.

Конкретные шаги к решению проблемы послевоенного устройства мира Советский Союз предпринял осенью 1943 г. Тогда была создана во главе с заместителем наркома иностранных дел М. М. Литвиновым комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства. Заявление СССР на Тегеранской конференции в ноябре 1943 г. о решении присоединиться к борьбе против Японии включало японский вопрос в формат обсуждения послевоенного урегулирования. В докладной записке И. М. Майского «О желательных основах будущего мира» от 11 января 1944 г., адресованной В. М. Молотову, вопрос о Японии рассматривался в рамках определения послевоенных границ СССР на Дальнем Востоке и сохранения мира в Азии. В ней Майский, упоминая о послевоенном режиме для Японии, писал, что он будет «примерно того же типа, что для Германии¹. Предлагалось оккупировать территорию Германии союзниками на срок «не менее десяти лет», подвергнуть «тройному разоружению – военному, индустриальному и идеологичес-

кому», наложить репарации, а военных преступников «в широком понимании этого термина» подвергнуть наказанию.

Подобные соображения показывают, что советское руководство рассматривало Японию как союзника Германии, а это является важным для понимания будущей послевоенной политики СССР по отношению к этой стране.

Первые попытки более конкретного обращения к вопросу послевоенного отношения к Японии, включая ее оккупацию, были отмечены в беседе И. В. Сталина с личным представителем президента США Г. А. Гопкинсом в мае 1945 г. Сталин высказывался о необходимости воспользоваться нынешней ситуацией и уничтожить японскую армию, ее военную промышленность, чтобы предотвратить подобные войны в будущем. Кроме того, он упомянул о зонах оккупации союзников в Японии и о желании СССР участвовать в ней. Основные принципы политики союзных держав в отношении послевоенной Японии были сформулированы в Потсдамской декларации, к которой присоединился СССР, что давало ему возможность на законных основаниях включиться в мероприятия союзников по послевоенному переустройству Японии.

Решающее значение для послевоенного направления развития Японии и международных отношений на Дальнем Востоке имел вопрос о том, в чьих руках будет находиться реальная власть в период оккупации. США удалось захватить контроль над определением оккупационной политики союзников и руководством. Он возлагался на генерала Д. Макартура. СССР, который заявил о своем желании участвовать в раздельном оккупационном контроле и управлении, был устранен. Несмотря на участие в войне с Японией многих стран, США стали осуществлять оккупацию фактически единолично².

Первой недовольство по поводу одностороннего характера оккупации США выразила Англия. Она направила 20 августа 1945 г. в госдепартамент записку с предложением создать союзный контрольный совет для Японии, состоящий из представителей пяти держав – США, Англии, СССР, Китая и Австралии. В ответ на это 21 августа американская сторона предложила правительствам Англии, СССР и Китая создать Дальневосточную консультативную комиссию (ДКК), положение о которой было одобрено Г. Трумэном еще 5 июня 1945 г. Это предложение имело целью создать консультативный орган по вопросам политики контроля над Японией из представителей главных союзников, что позволило бы фактическому контролю США получить международное признание.

² США предлагали Сталину послать воинский контингент для участия в оккупации Японии, но на неприемлемом для СССР условии подчинения своих войск союзному командованию в лице генерала Макартура.

¹ Вестник архива Президента Российской Федерации. 1995, №4, с. 134.

Иными словами, хотя правительство США намеревалось советоваться с союзниками по вопросам контроля, однако право на принятие решений хотело сохранить в своих руках. Советское правительство 5 сентября в письме на имя посла США в СССР У. А. Гарримана выразило согласие с предложением об учреждении ДКК. Однако на Лондонском совещании министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции в сентябре 1945 г. Советский Союз скорректировал свою позицию и стал настаивать на том, что образованию ДКК должно предшествовать создание контрольного совета по Японии.

Что же заставило СССР изменить свою позицию? Теперь благодаря разысканиям российского историка В. П. Сафронова, стало известно, что отдел США НКВД СССР, проанализировав английский вариант с союзным контрольным советом и вариант США с ДКК, счел целесообразным согласиться с американским вариантом. Это предложение, по всей видимости, было принято руководством СССР, поскольку комиссия в дальнейшем должна была разработать положение о союзном контрольном механизме для Японии, и в процессе переговоров о ДКК СССР мог бы добиться действительного участия в контроле. Наряду с этим английская идея контрольного совета тоже получила одобрение, правда, предполагалось расширить и усилить его полномочия³.

Вопрос о создании контрольного механизма для Японии был поднят на переговорах между союзниками на совещании министров иностранных дел в Лондоне в связи с послевоенным устройством в Европе. 20 сентября госсекретарь США Бирнс в беседе с Молотовым высказал мысль о заключении договора между СССР и США с целью держать Германию разоруженной в течение 20–25 лет, чтобы устранить угрозу ее повторного вооружения. Сталин попытался привязать к этим переговорам японский вопрос.

В письме к Молотову Сталин выдвигает следующую идею: «Используя страх Америки перед ростом влияния СССР в Европе, нам следует добиваться того, чтобы антигерманский пакт СССР и США был обусловлен антияпонским пактом между СССР и США. Отсюда наше предложение: заключить, прежде всего, антияпонский пакт с США с тем, чтобы вслед за этим или одновременно заключить антигерманский пакт, при этом дать понять партнеру, что без заключения антияпонского (пакта. — Э.П.) мы не считаем возможным пойти на антигерманский пакт с США»⁴.

Нетрудно заметить, что Сталин попытался связать проблему контроля над Германией, где СССР имел преимущество, с вопросом оккупационного контроля над Японией, где преобладающее влияние имели

США. Он настаивал на том, что необходимо добиться от американцев признания требований СССР по Японии прежде, чем признать требования США по Германии. Очевидно, что если бы подобный договор был заключен, то позиции СССР в системе оккупационного контроля над Японией значительно усилились.

Усилия СССР по формированию контрольного механизма для Японии, строились на желании иметь возможность ограничить единовластие США в лице Макартура, а также гарантировать контроль над ситуацией в Японии, которая вызывала беспокойство и недоверие советской стороны. Как явствует из переписки Сталина и Молотова, первый был обеспокоен единовластием Макартура, которое усиливало заявление Вашингтона о господстве политики США в оккупации Японии, которое содержалось в документе «Первоначальная политика Соединенных Штатов в отношении Японии после капитуляции».

Сталин писал Молотову, что «американское предложение об организации Консультативного комитета имеет своей целью отложить на неопределенное время вопрос о Контрольном совете и дать тем самым Макартуру единолично решать все вопросы относительно Японии, как военные, так и гражданские... Мы считаем, что нужно покончить с неограниченными правами Макартура и с институтом единоличного Верховного главнокомандующего четырех держав, который, как известно, делает, что ему вздумается и даже не сообщает нам о своих распоряжениях»⁵.

Что касается начала деятельности Макартура в Японии, то, как известно, одним из его первых решений было сохранить японское правительство, в рамках которого министерство иностранных дел было преобразовано в центральное бюро связи, и директивы Макартура направлялись в это бюро, а затем поступали в другие японские министерства.

Сохранение действующего японского правительства не могло не вызывать опасение у советской стороны. Например, в донесении советского военного представителя при штабе Верховного командующего союзными войсками в генштаб РККА о внутривойсковой обстановке в Японии, кабинет принца Хигасикуни характеризовался как состоящий «в большинстве из лиц, причастных к войне»⁶.

Недовольство советской стороны выразилось и в инспирировании статьи в прессе. Так, газета «Правда» в статье «Международное обозрение»⁷ вопросу о положении в Японии посвятила 80 строк. Охарактеризовав ситуацию в Японии как «водевиль с переодеванием», автор

⁵ Там же, с. 75.

⁶ Русский архив: Великая Отечественная война. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы: Документы и материалы. М., 2000, с. 268.

⁷ Правда. 09. 09. 1945.

³ Сафронов В. П. СССР–США–Япония в годы «холодной войны». 1945–1960 гг. М., 2003, с. 101–102.

⁴ Вестник архива Президента Российской Федерации. 1999, №2, с. 75.

статьи подчеркивал, что «на деле никакой демократизации внутренней жизни Японии не проводится» и обращал внимание на необходимость разрушения основ «японского империалистического государства», где вся внутренняя жизнь должна быть «коренным образом реформирована».

Однако попытки Молотова добиться на Лондонской сессии подвижек в решении японского вопроса на двусторонних переговорах с союзниками, а также в ходе сделанного им 24 сентября на 18-м заседании официального заявления о создании контрольного совета по Японии с местом пребывания в Токио, успеха не имели.

Узнав об этом, Сталин с возмущением писал Молотову: «Я считаю верхом наглости англичан и американцев, считающих себя нашими союзниками, то, что они не захотели заслушать нас как следует по вопросу о Контрольном Совете в Японии. Один из союзников – Советский Союз – заявляет, что он недоволен своим положением в Японии, а люди, называющие себя нашими союзниками, отказываются обсудить наше заявление. Это говорит о том, что у них отсутствует элементарное чувство уважения к своему союзнику. Не следует ли намекнуть Бирнсу и Бевину, что при таком положении мы будем вынуждены отозвать своих людей из Японии, так как не можем нести никакой ответственности за политику США и Англии по отношению к Японии»⁸. Это свидетельствует о том, что Сталин рассматривал советско-американско-английские отношения как союзнические и, хотя выражал недовольство по отдельным вопросам, полагал, что путем переговоров можно решить проблемы в устраивающей СССР форме.

Повторно вопрос о контрольном механизме для Японии возник в октябре 1945 г. В это время Сталин, находившийся в отпуске, 24–25 октября встречался с послом США в СССР Гарриманом и в беседе с ним поднимал вопрос о контрольном механизме для Японии.

В ходе беседы с Гарриманом он дал понять, что в оккупационном контроле над Японией генералу Макартуру должно принадлежать решающее слово, но то же время заявил, что советская сторона очень недовольна существующим положением в японском вопросе⁹. Сталин скорее всего понимал, что обеспечить СССР весомую роль в Японии весьма трудно, но не мог упустить возможность непосредственного влияния на деятельность американских оккупационных властей.

В дальнейшем переговоры о контрольном механизме для Японии шли по дипломатическим каналам. В частности, состоялся ряд бесед Молотова и Гарримана, а также обмен нотами между СССР и США. Основными вопросами на переговорах были процедура голосования и порядок принятия решений по принципиальным вопросам. Это – изменение режима контроля над Японией, а также состава японского пра-

вительства, право правительства США издавать временные директивы по всем вопросам до вынесения решения Дальневосточной комиссией или в случае разногласий.

В результате острых дискуссий между США и СССР по вопросу о контрольном механизме на совещании министров иностранных дел СССР, США и Англии в декабре 1945 г. было принято компромиссное соглашение о создании Дальневосточной комиссии (ДВК) с местопребыванием в Вашингтоне, а также Союзного Совета для Японии (ССЯ) – в Токио.

В ДВК решения принимались большинством голосов, включая голоса представителей СССР, США, Англии и Китая, но она не могла давать прямые директивы штабу оккупационных войск. В срочных случаях правительство США могло давать временные директивы Макартуру до получения решения комиссии. Когда противоречия между СССР и США стали нарастать, проблемы процедуры реализации решений ДВК были осознаны советской стороной в полной мере.

Например, в отчетном докладе 27 мая 1946 г. на имя Молотова о деятельности советской делегации в ДВК с 26 февраля по 26 мая 1946 г. заместитель представителя СССР в ДВК Н. В. Новиков отмечал, что «одним из моментов, тормозящих работу комиссии, является чрезвычайно затяжной характер процедуры реализации решений Дальневосточной комиссии. После принятия комиссией политических решений правительство США затягивает практическое исполнение принятых решений»¹⁰. Главной целью ССЯ были консультации с главнокомандующим и передача ему советов по вопросам, касающимся осуществления условий капитуляции.

После назначения своих представителей в ДВК (А. А. Громыко и его заместитель Н. В. Новиков) и в ССЯ (генерал-лейтенант К. Н. Деревянко¹¹, его политический советник Я. А. Малик и экономический советник Л. А. Разин¹²) СССР получил возможность непосредственного участия в политике союзного оккупационного контроля над Японией.

¹⁰ АВП РФ, ф.0146, оп. 30, п.279, д. 5, л.5.

¹¹ К. Н. Деревянко (1904–1954) родился на Украине в селе Косиновка. В 1936 г. окончил Военную академию им. Н. В. Фрунзе. В период Великой Отечественной войны – начальник штаба 4-й гвардейской армии 3-го Украинского фронта. 12 августа 1945 г. назначен представителем Главного командования советских войск на Дальнем Востоке при штабе генерала Д. Макартура и 2 сентября от имени Советского Верховного Главнокомандования подписал акт о безоговорочной капитуляции японских войск. По поводу того, почему выбор пал на Деревянко, существует предположение, что наряду с профессиональными качествами (богатый опыт штабной работы, знание японского языка) он имел и небольшой опыт дипломатической работы в качестве представителя СССР в Союзном Совете по Австрии (см.: Пономарев С. «Капитуляцию Японии принял!». – Советская Россия. 30.08.2005, №115–116).

¹² Решением Политбюро от 26 июля 1947 г. Разин был утвержден торговым представителем СССР в Японии. – РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д.1066, № 83.

⁸ Вестник архива Президента Российской Федерации. 1999, №2. с. 76.

⁹ Советско-американские отношения. 1945–1948. М., 2004, с.70.

24 января 1946 г. Молотов утвердил директиву для советских представителей в ССЯ, которая содержала 10 основных задач и 15 пунктов мероприятий, необходимых для их осуществления. Кроме того, перед политическим и экономическим советниками ставились шесть задач. Среди них главными были демилитаризация и демократизация Японии. Уже в преамбуле директивы отмечалось, что «из условий Потсдамской декларации, Протокола капитуляции и Общего приказа №1 вытекает, что Япония должна быть полностью разоружена и ее военнопотенциал уничтожен»¹³. Эта установка красной нитью проходит в указанном выше документе.

Повышенный интерес Сталина к демилитаризации Японии был отмечен уже в августе 1945. Без сомнения, причина такого интереса уходила корнями в историю русско- и советско-японских отношений. Об обеспокоенности Сталина мерами, принимаемыми в отношении японской армии после капитуляции, свидетельствовало его директивное указание Деревянко 15 августа 1945 г. В этом указании говорилось: «В случае начала переговоров о подписании условий капитуляции Японии между генералом Макартуром и японским правительством или военным командованием Вы обязаны принимать участие во всех без исключения переговорах союзников с японскими представителями и доносить Маршалу Василевскому, в копии – начальнику Генерального штаба Красной Армии о своих впечатлениях и ходе переговоров. Без особого разрешения Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке Маршала Василевского не подписывать никаких документов о капитуляции японских войск и не давать от себя никаких обязательств... В период ведения переговоров об условиях капитуляции Вы должны, по возможности, следить за перегруппировкой японских войск. В случае установления фактов перегруппировки Вы обязаны немедленно доносить Маршалу Василевскому и в копии – начальнику Генерального штаба Красной Армии»¹⁴.

Американская позиция, особенно точка зрения Макарута, наряду с наказанием Японии за агрессию включала идею реформировать страну, привить ей демократические ценности американского общества и требовала проявить к бывшему противнику больше великодушия. Такие шаги Макарута, как предоставление права японским властям самим провести демобилизацию своих вооруженных сил и осуществлять верховную власть союзников через японское правительство, вызывали недовольство у Сталина.

Например, проводимый процесс демобилизации японской армии, рассматривался советской стороной как опасность сохранения ее командного состава для будущей агрессии. Одним из главных обвинений

американских оккупационных властей с советской стороны до конца оккупации был тезис о сохранении в Японии под видом разных организаций, например, бюро помощи демобилизованным военным и полиции, офицерского корпуса армии и флота¹⁵.

Для советской стороны одним из главных пунктов демилитаризации являлось пленение и роспуск японского офицерского корпуса и генералитета, который Сталин считал основой японской военной машины. Так, в беседе со специальным представителем главы китайского государства Чан Кайши, его сыном Цзян Цзингю 30 декабря 1945 г. Сталин говорил, что для того, чтобы помешать возрождению Японии в будущем, «надо взять в плен 500–600 тыс. офицеров и тысяч 12 членов японского генералитета»¹⁶.

В упомянутой выше директиве советским представителям в ССЯ также предписывалось осуществлять контроль над командным составом бывшей японской армии. Внимание Деревянко обращалось на опасность для мира на Дальнем Востоке и в СССР оставления фактически на свободе японского командного состава. Поэтому предписывалось «предпринять все меры к тому, чтобы ликвидировать все пути и лазейки, направленные к сохранению и восстановлению японского офицерского корпуса как основы японского милитаризма и агрессии»¹⁷.

Представителям СССР в ДВК 5 февраля 1946 г. были даны следующие директивы: «Активно участвовать в определении Дальневосточной Комиссией политической линии, обеспечивающей полное разоружение и демилитаризацию Японии, предотвращение возможности возрождения японского империализма и агрессии, равно как предотвращение возможности создания в Японии таких условий, которые могут вновь создать угрозу безопасности для Советского Союза на Дальнем Востоке»¹⁸. Таким образом, эти директивы имели ту же направленность, что и директива для Деревянко.

Однако в директиве для ДВК, учитывая ее функцию формулирования политической линии по выполнению условий капитуляции Японии, содержался более отчетливый политический курс по сравнению с директивой для Деревянко.

Это можно заметить по ряду поставленных задач: «При определении мероприятий по демократизации Японии, ее государственного строя и внутривластной системы: а) обеспечить ликвидацию всех бывших военных и полувосстановленных организаций, националистических организаций, старых реакционных партий и группировок, поддерживавших

¹⁵ См., например: Дальний Восток. 1951, № 6, с.107–108.

¹⁶ Ледовский А. М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий. 1937–1952. М., 1999, с. 28.

¹⁷ Советско-американские отношения. 1945–1948. М., с. 157.

¹⁸ Там же, с.163.

¹³ Советско-американские отношения. 1945–1948, с.157.

¹⁴ Русский архив, с.261.

агрессивные действия японского правительства; б) содействовать созданию условий для демократического развития Японии, одновременно противодействуя возрождению реакционных партий и группировок; в) добиваться упразднения монархии и замены ее демократической республикой; г) обеспечить создание правительства, состоящего из представителей всех демократических партий и организаций Японии, и удаление из состава правительства, а также со всех ответственных постов в государственном аппарате лиц, в той или иной форме поддерживавших агрессивную политику Японии»¹⁹.

Для выполнения этих задач советский представитель должен был «проявлять инициативу в пересмотре с точки зрения государственных интересов СССР имеющихся директив, приказов и распоряжений с целью их изменения, дополнения или отмены, представляя для этого Дальневосточной Комиссии соответствующие заключения и проекты предложений». Он также был обязан «добиваться принятия Дальневосточной Комиссией таких политических решений, которые бы обеспечивали искоренение в Японии идей, власти и влияния военных клик в политической, общественной и экономической жизни страны и в то же время содействовали проведению демократических преобразований, в первую очередь проведению аграрной реформы с передачей феодально-помещичьей земли крестьянам»²⁰.

В созданных межсоюзных контрольных органах между США и СССР развертывалось соперничество, где обе стороны стремились отстаивать свои интересы. Уже с самого начала работы ССЯ в апреле 1946 г. Деревянко стал критически оценивать происходящее в Японии и действия штаба Макартура. Так, на первом же заседании Союзного Совета 5 апреля Деревянко поднял вопрос о выборах в парламент, которые должны были состояться 10 апреля. Деревянко указал, что общая обстановка в Японии и нарастающая в ходе избирательной кампании активизация реакционных сил дают основание полагать, что вопреки принципам Потсдамской декларации, а также интересам и подлинным желаниям японского народа реакционные партии могут получить подавляющее большинство в новом парламенте.

В связи с этим Деревянко рекомендовал Макартуру издать специальное предупреждение о том, что если большинство состава депутатов «будет признано неподходящим, то позднее будут проведены новые выборы»²¹. Обращает на себя внимание попытка Деревянко заставить США признать, что результаты выборов и подлинное желание народа могут отличаться.

¹⁹ Советско-американские отношения. 1945–1948. М., с. 163.

²⁰ Там же.

²¹ Сборник заявлений и рекомендаций члена Союзного Совета для Японии от СССР. Апрель 1946 г. – январь 1949 г. М., 1949, с.5–6.

Такие заявления усиливали недоверие со стороны США. Так, 15 мая 1946 г. представитель СССР задал вопрос о мерах, принятых в отношении первомайской петиции, в которой был выражен протест против нарушения демократических свобод, подавления рабочего контроля на промышленных предприятиях. В ответ председатель Союзного Совета Д. Атчесон заявил, что петиция представляет собой «коммунистическую пропаганду».

США, проводя оккупационную политику, пытались ограничить влияние Союзного совета в Токио и, в частности, деятельность советских представителей в нем. Подобная ситуация беспокоила советскую сторону.

Подводя итоги восьмимесячной работы ССЯ с 5 апреля по 23 декабря 1946 г., Деревянко и исполняющий обязанности политического советника П. В. Ануров, в составленной ими справке, выражали возмущение тем, что к советскому представительству в Японии «американцы относятся не как к Представительству Союзной Державы, а как к представительству враждебной державы» и чинят, по мнению советской стороны, всевозможные препятствия его работе²². В этой связи предлагалось принять следующие меры.

1. «Здесь, в Токио, Члену Союзного Совета от СССР продолжать систематическими выступлениями в Союзном Совете с вопросами по существу оккупационной политики использовать Союзный Совет как трибуну для разоблачения реакционного характера действий Макартура».

2. «Наряду с использованием трибуны Совета, практиковать созыв пресс-конференций, на которых делать заявления о позиции Советского Союза по важнейшим вопросам оккупационной политики».

Отметив, что, кроме этих мер, невозможно предпринять другие практические шаги, предлагалось активизировать деятельность советских представителей в ДВК и предпринять меры дипломатического характера, поставив вопрос о выполнении Макартуром решений о ССЯ, а также обеспечить «членам Союзного Совета нормальные условия для выполнения их функций». Под нормальными условиями понималась возможность получения информации для изучения вопросов положения в Японии и оккупационной политики, беспрепятственного передвижения по стране и возможности делового посещения промышленных предприятий, учреждений и других японских организаций²³.

Критика советскими представителями политики оккупационной администрации и японских властей, а также выступления с целью разъяснения советской позиции, оценивались американской стороной, как попытки нанести ущерб престижу США в Японии и, естественно, вызывали противодействие.

²² АВП РФ, ф. 0146, оп. 30, п. 279, д.5, л. 88–89.

²³ АВП РФ, ф. 0146, о. 30, п. 279, д. 5, л. 92–93.

Критика советскими представителями работы штаба оккупационных войск была одной из немногих имеющихся в их распоряжении возможностей для того, чтобы заявить о советских инициативах в разработке реформ и преобразований в Японии. Работавший в период оккупации в центральном бюро связи и присутствовавший на заседаниях ССЯ в качестве наблюдателя Асакай Коитиро отмечал, что с 1-го по 29-е заседание Советским Союзом были предложены около 30 пунктов повестки дня из 40. По каждому пункту повестки дня представитель СССР делал конструктивные высказывания²⁴. Кроме того, работа советских представителей оказала косвенное влияние на усиление чисток должностных лиц прежнего режима, земельную реформу и рабочее законодательство Японии.

К концу 1946 г. СССР стал оценивать политику США в Японии как превращение этого региона в плацдарм, направленный против СССР. В записках советской части ССЯ можно найти целый набор аргументов в пользу этого тезиса.

Например, делая обзор за год оккупации, помощник политического советника И. Н. Цехоня 7 сентября 1946 г. указывал на компромисс, достигнутый между Макартуром и правящими кругами Японии по сохранению императорской системы, в результате чего капитуляция приняла безоговорочный характер. Он писал, что «оккупационная политика Макарута в Японии явно направлена против Советского Союза – на создание плацдарма против Советского Союза и на закрепление безраздельного господства в северо-западной и северной частях Тихого океана».

Аргументами в пользу этого заключения, по его мнению, были «выпады американских представителей против Советского Союза и коммунизма вообще на заседаниях Союзного Совета, ряд циркуляров штаба, направленных против Советского представительства в Японии», а также «явное стремление американцев свести на нет работу Союзного Совета и их зажим рабочего движения в самой Японии»²⁵.

К 1947 г. между СССР и США усилилось взаимное недоверие в японском вопросе. В марте 1947 г. Макартур заявил о необходимости заключить мирный договор с Японией, так как главные задачи оккупационной политики выполнены. Более того, США подготовили вариант проекта мирного договора, с которым были ознакомлены СССР, Англия и Китай. 11 июля 1947 г. посол США в СССР У. Б. Смит в беседе с Молотовым заявил, что правительство США в предварительном порядке предлагает 19 августа созвать конференцию по составлению

²⁴ Гаймусё-хэн. Сёкитайничи сэнрёсэйсаку Асакай Коитиро хококусё (Состав МИДа.. Оккупационная политика в начальный период. Доклады Асакай Коитиро), Токио, 1979, т.2, с.36, 59.

²⁵ АВП РФ, ф. 0146, о.30, п. 283, д. 37, л. 32.

мирного договора с Японией с участием 11 государств – членов Дальневосточной комиссии.

Это было предложением заключить всесторонний мирный договор с Японией. Однако советская сторона ответила отказом, настаивая на том, что подготовка мирного договора должна быть возложена на Совет министров иностранных дел СССР, США, Англии и Китая, где процедурой голосования был принцип единогласия.

Между тем в ДВК работа в целом проходила в рамках сотрудничества между СССР и США, направленного на превращение Японии в демократическое государство. Примером может служить выработанный ДВК (19 июня 1947 г.) программный документ о целях и задачах оккупационной политики в Японии – «Об основной политике в отношении Японии после капитуляции».

Постепенно события «холодной войны» в Европе (выдвижение в марте 1947 г. доктрины Трумэна и плана Маршалла в июне, а также создание в октябре Коминформа) стали оказывать влияние и на ситуацию на Дальнем Востоке. Кроме того, затянувшаяся оккупация, которая ложилась бременем на США, а также изменение ситуации в Китае, заставили Соединенные Штаты придти к необходимости пересмотра своей политики в отношении Японии, нацелив ее на экономическую и политическую стабилизацию страны.

Содержание политики США в этот период в историографической литературе обозначается как политика «обратного курса» по отношению к реформам первого этапа. Естественно, что это не означало полного отказа и пересмотра уже проведенных реформ. Речь шла о том, чтобы приспособить Японию к новым американским военно-стратегическим интересам на Дальнем Востоке.

На этом фоне с 1948 г. единоличный контроль США над Японией принял более открытую форму. Они стали игнорировать заседания Союзного Совета, продуктивность работы которого снизилась, особенно с середины 1948 г., когда его заседания стали закрываться даже без обсуждения повестки дня.

Изменилось и отношение СССР к американской политике в Японии. Об этом свидетельствует составленный 17 февраля 1948 г. проект «Дополнительных указаний члену Союзного Совета для Японии от СССР», который был 26 февраля направлен исполняющим обязанности заведующего 2-м Дальневосточным отделом МИДа СССР Е. Г. Забродным заместителю министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому. В этом проекте говорилось, что «учитывая нынешнюю американскую политику в Японии, которая находится в полном противоречии с Потсдамской декларацией и решением Московского совещания министров иностранных дел 1945 г., а также факт игнорирования Союзного Совета со стороны Командующего оккупационными войсками, который не только отказывается консультироваться с Советом по

вопросам оккупации и контроля над Японией, но и препятствует обсуждать эти вопросы на заседаниях Совета, члену Союзного Совета от СССР необходимо разоблачать политику США, указывая на противоречие этой политики задачам, определенным согласованными решениями Союзных держав в отношении Японии»²⁶.

Таким образом, давалась политическая установка на осуждение оккупационной политики США в Японии, что и привело в последующие годы к ужесточению политики СССР в отношении Японии.

* * *

В ходе урегулирования проблемы послевоенного мироустройства в дальневосточном регионе в центре борьбы интересов США и СССР оказалась Япония.

В рассматриваемый период СССР и США имели общую цель обезопасить себя от возможной угрозы в будущем и строили свою политику искоренения японской агрессии на основании полного разоружения и демилитаризации, а также осуществления демократизации жизни Японии в соответствии с собственными представлениями.

США, получив контроль над руководством оккупационной политикой союзников в Японии, ради достижения указанной выше цели провели радикальные реформы. Однако, если в Китае и в Корее находились советские войска, что обеспечивало непосредственную вовлеченность СССР в решение проблем политического будущего этих стран, то в Японии, оккупированной американскими войсками, позиции Советского Союза были весьма формальными, и он был вынужден добиваться своих целей «руками» США, что и было главным источником конфликта и отражало сложности выработки единой политики в отношении Японии.

Нарастание «холодной войны» в Азии поставило Японию в центр идеологической конфронтации между СССР и США, что делало практически невозможным достижение согласия между ними в японском вопросе. Стремительное сближение США и Японии, проблема репатриации японских военнопленных из СССР, влиявшая на его имидж, поставили задачу дальнейшего формирования советской политики в отношении Японии в последние годы жизни Сталина.

Японские замки – история и современность

Г. Б. Брылевский

В последнее время, как в Японии, так и за ее пределами заметно усилился интерес к одному из аспектов ее историко-культурного наследия – самурайским замкам. Действительно, эти элегантные сооружения со своими мощными каменными фундаментами, белыми стенами и организованными в сложный, но при этом очень красивый архитектурный ансамбль крышами сразу привлекают внимание на фоне стандартного единообразия японских городов. Однако до недавнего времени тема японских замков разрабатывалась не очень активно. Сами японцы в последнее время стали осознавать потенциал наследия своей феодальной архитектуры как туристической достопримечательности и возможности «подать» традиционную Японию под новым углом зрения. Данная статья написана для того, чтобы кратко ознакомить заинтересованного читателя с нынешним положением дел в области сохранения наследия военной архитектуры, относящегося к самурайской эпохе.

Прежде всего, необходимо с сожалением констатировать, что до нашего времени дошло совсем немного оригинальных самурайских замков. От многих величественных сооружений сейчас остались в лучшем случае каменные фундаменты или заросшие травой валы.

Такая ситуация имеет несколько причин. До эпохи «враждующих княжеств» (*сэнгоку дзидай* – период ожесточенных междоусобных войн конца XV – конца XVI в.) японцы вообще не строили капитальных укреплений. Несмотря на активные междоусобные конфликты, в то время в Японии не было ничего, что хотя бы отдаленно напоминало мощные каменные твердыни, характерные для средневековой Европы. Гористый рельеф местности, обширные леса, постоянная опасность землетрясений и своеобразный характер боевых действий привели к тому, что в то время преобладающим типом долговременных фортификационных сооружений в Японии стали так называемые «горные замки» (*ямадзиро*). Название точно передает суть этих строений – они располагались в горной местности и почти всегда были частью горы, вершина которой очищалась от деревьев и аккуратно срезалась, а на образовавшейся ровной площадке возводилось из бревен и досок собственно укрепление. Во избежание большой нагрузки на грунт, что могло вызвать оползень с последующим обрушением всей конструкции, укрепления делались максимально легкими, и выглядели они как

²⁶ Советско–американские отношения. 1945–1948. М., 2004, с. 526.